

Е Си промолчал.

Выплюнув травинку, Ло Кэ даже не взглянул на него. Он задумчиво смотрел на серое, затянутое дымкой небо.

— На тебе скопилась тяжелая, плотная темная энергия — иньская ци, — негромко заговорил он. — Именно поэтому, когда я коснулся твоего лба, тебе стало так худо. Мой прадед был даосом. Наша семья испокон веков изгоняет нечисть, и способность видеть то, что скрыто от глаз обычных людей, передается у нас из поколения в поколение. Сколько себя помню, меня учили бороться с призраками. Помнишь туман в ту ночь? Я видел его... и то, что скрывалось внутри, тоже видел. Это я прогнал его.

Е Си невольно сжал кулаки и побледнел.

— Туман — это не что иное, как посмертная обида мертвецов, — продолжил Ло Кэ. Его голос звучал мягко, в нем проскальзывали нотки сочувствия. — Души, застрявшие на полпути в подземное царство, часто приходят в этот мир, окутанные дымкой. Это плод их затаенной злобы. Еще во время игры с зеркалом, когда явился тот женский призрак, мне стало не по себе. Сомнений не оставалось: его целью был ты. Поэтому я и отдал тебе свой кулон.

Он снял с шеи украшение и бережно провел пальцами по гладкой поверхности.

— В даосизме красный сердолик называют «третьим глазом». Он олицетворяет луну и воду, открывая проход в мир духов. Даже древние римляне верили, что этот камень отгоняет зло и оберегает от несчастий. А этот лотосовый кулон — вещь и вовсе особенная. Сам Чжан Даолин, основатель учения Небесных Наставников, наложил на него защитную печать. Сила в нем сокрыта немалая. В ту ночь, когда за тобой явился призрак, я надеялся, что кулон удержит его. Кто же знал, что этого окажется недостаточно...

Е Си потрясенно уставился на него.

Ло Кэ кивнул.

— Тогда я тоже вмешался и отогнал тварь. Я вполне мог ее усмирить, но в последний момент кто-то или что-то пришло ей на выручку и унесло прочь. Ты ничего не помнишь, потому что я наложил на тебя Заклятие Успокоения Духа, погрузив в глубокий сон.

Он замолчал на мгновение, став еще серьезнее.

— Е Си, дело принимает скверный оборот. Прошлой ночью это была уже не просто бесплотная тень — в нее вселился цветок-людоед. А подобный паразит может прижиться лишь в том случае, если злоба призрака безгранична. Эта тварь не отступится, пока не получит свое. Скажи мне правду: кто эти двое? Чем ты и Юй Юнь так их прогневали?

Е Си в замешательстве смотрел на друга. Мысли лихорадочно сменяли одна другую, он почти заговорил, но в последний момент промолчал.

— Только зная правду, я смогу тебе помочь, — с горькой усмешкой добавил Ло Кэ. — Я и сам терпеть не могу совать нос в чужие дела, но сейчас речь идет не только о твоей шкуре. Одержимого злобного духа необходимо уничтожить, иначе прольется еще много крови.

Е Си хранил молчание.

— Эх... — Ло Кэ не стал настаивать. В его глазах отразилась глубокая тоска, напоминающая серое предзвездное небо. Он холодно и едва заметно, с грустью улыбнулся. — Не хочешь — не говори. Моих сил, может, и впрямь не хватит на эту тварь. Но попытаться я обязан. Какая ни на есть, а я все-таки преемник Небесных Наставников. Не могу же я просто стоять в стороне и смотреть, как эта нечисть губит людей.

Услышав в его голосе неприкрытую горечь и обреченность, Е Си заколебался. Внутренние сомнения вновь затерзали его. Ло Кэ выглядел на удивление странно: он смотрел с бесконечной, невыразимой словами тоской и покорностью судьбе.

Наконец Е Си решился.

— Пообещай, что никому не расскажешь, — тихо произнес он.

— Ладно, — безучастно отозвался Ло Кэ.

Но Е Си верил ему безотчетно, без тени сомнения.

— Ты когда-нибудь слышал о Е Муцин? — вполголоса спросил он.

Ло Кэ озадаченно нахмурился, силясь припомнить имя, но тут его лицо прояснилось:

— Это та самая актриса из фильма «Богиня»?

«Богиня» прогремела на всю страну больше десяти лет назад, и даже сейчас картину изредка крутили по телевидению.

— Она моя мать, — с горькой усмешкой признался Е Си.

Ло Кэ удивленно посмотрел на него с нескрываемым любопытством.

Е Си смущенно отвернулся и уныло пробормотал:

— Можешь не разглядывать. Я знаю, что совсем на нее не похож.

Если бы не череда мрачных событий последних дней, Ло Кэ непременно бы расхохотался — настолько уморительно-жалкий вид был у его собеседника.

Сделав первый шаг, Е Си почувствовал, как с души свалился огромный камень. Рассказывать стало значительно легче.

Е Муцин блистала красотой и славой. Среди бесчисленных поклонников она выбрала отца Е Си лишь потому, что его высокое положение и богатство могли в полной мере удовлетворить ее непомерные аппетиты. Она никогда этого не скрывала. Ее нельзя было назвать злой, но эгоизм в ней переливал через край. Единственным человеком, которого она искренне любила, была она сама. Она жила в свое удовольствие, потакая любым прихотям, и бежала от малейших обязательств и забот о близких.

Рождение сына служило лишь одной цели — укрепить ее статус респектабельной супруги, никакого иного смысла в появлении Е Си на свет не было. Она не чаяла души ни в муже, ни в ребенке. Ей нравилось купаться во внимании других мужчин, принимать их ухаживания и собирать крохи чужой любви, которую она совершенно не умела ценить.

— Я никогда не любил ее. Сколько себя помню, всегда дичился, — негромко делился Е Си. — Она постоянно ругалась с отцом, вечно наряжалась как на праздник и уходила развлекаться. Со мной почти не разговаривала. Ей было глубоко наплевать, чем я занят и как живу.

Помолчав, он заговорил снова, силясь сохранить спокойствие в голосе:

— А отец... Отец жил только работой. Дома он превращался в ледяную глыбу. После свадьбы мать ушла со сцены и устроилась преподавать в академию искусств. Два года назад, восьмого июля, мы чудом собрались за ужином всей семьей. Но на середине вечера разразился скандал — жуткий, неистовый. Отец обвинял ее в неразборчивых связях и говорил, что она позорит его имя. Мать в ответ кричала, что ему наплевать на семью, а замужество для нее стало золотой клеткой, где она чахнет заживо...

Голос Е Си осип, его перехватило. Ему было невыносимо неловко вытаскивать на свет это грязное белье. Подобными тайнами он не делился даже с Юй Юнем.

Ло Кэ посмотрел на него и увидел скорбную, вымученную улыбку. Тихий, хриплый голос Е Си словно оседал тяжелой пылью на сердце, рождая гнетущее, липкое чувство тревоги.

После долгого, удушливого молчания, растянувшегося, казалось, на целую вечность, Е Си заговорил вновь:

— Я до сих пор не знаю, как все произошло. Мой брат — он тоже актер — тогда только получил

новую роль и после ужина пошел в кабинет обсудить с матерью сценарий. Выйдя оттуда, он сказал, что она решила еще почитать, и попросил нашу экономку, Цзюнь-цзе, отнести ей стакан теплого молока. Но когда та постучалась, мать резко оборвала ее и велела не мешать. Мы не придали этому значения — думали, она просто до сих пор дует на отца. А глухой ночью меня разбудил шум. У отца случился острый приступ в желудке, и Цзюнь-цзе побежала за матерью. В спальне ее не оказалось. Тогда экономка бросилась к кабинету, но дверь была заперта изнутри. На стук никто не отзывался. Брат вышиб дверь и... — Е Си судорожно зажмурился. — Она лежала на полу. Мертвая. Кто-то проломил ей затылок клюшкой для гольфа. Смерть наступила мгновенно.

Эта короткая фраза, казалось, выпила из него все силы. Он закончил едва слышно, дрожащим голосом.

<http://bllate.org/book/18180/1751660>